УДК 342.9

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЫСЫЛКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Normative Legal Models of Administrative Expulsion: a Comparative Legal Research

ШЕРСТОБОЕВ Олег Николаевич – доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук (Новосибирск)

Sherstoboev Oleg N. – Associate-Professor of Constitutional and Municipal Law Department, Siberian Institute of Management – branch of RANHiGS, Candidate of Legal Sciences (Novosibirsk)

sherson@yandex.ru

Аннотация. *Разные страны решают проблемы оснований и порядка высылки иностранных граждан за пределы своих границ по-разному. Однако нормативные правовые модели высылки, присущие отдельным государствам, все явственнее стремятся к унификации. Это объясняется воздействием общепризнанных международных норм и принципов на национальное право, а также наличием одинаковых для всех проблем, связанных с прибытием большого количества иммигрантов. Проведенное сравнительное исследование показало, что высылка иностранных граждан рассматривается официальными властями различных государств в качестве неотъемлемого суверенного полномочия, направленного на защиту собственного правового порядка.*

Different countries solve issues of grounds and procedure for the expulsion of foreign nationals outside the country in their own way. However, modern countries gradually unify their regulatory legal models of expulsion. This is due to the impact of generally accepted international norms and principles, as well as the identical problems associated with finding a large number of immigrants. Conducted comparative study have shown that the expulsion of foreigners considered by the official authorities of the various states as an integral part of the sovereign powers aimed at protecting their own legal order.

Ключевые слова: *иностранные граждане, административное выдворение, депортация, удаление, органы исполнительной власти, административное право, административная реформа.*

Foreign citizens, administrative expulsion, deportation, removal, executive agencies, administrative law, administrative reform.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-1-91-97

Несмотря на сближение иммиграционных процедур, действующих в различных странах, единого, признаваемого всеми странами подхода к тому, как и кого нужно высылать, не создано до сих пор. Национальная специфика по-прежнему сохраняется в наименовании и видах высылки, полномочиях органов, компетентных ее применять, объеме судебного контроля в отношении ее реализации. Отсутствие универсальных международных конструкций, а это проявляется, хотя и с некой долей условности, даже в рамках Европейского Союза, позволяет говорить о высылке как нормотворческой возможности, реализуемой в зависимости от проводимой миграционной политики каждого отдельного государства.

Наиболее целесообразной представляется классификация высылки в зависимости от ее оснований и порядка осуществления. В таком случае допустимо говорить об общем и упрощенном порядках.

Примером первого является закрепленная в британском Законе об иммиграции 1971 года депортация (deportation).

Данной мере подвергаются лица, не имеющие британского гражданства, как правило, приговоренные за совершение преступления к лишению свободы, эта мера применяется к ним по соображениям общественного блага (public good)[1]. Члены семьи депортируемого также могут разделить его судьбу (это касается несовершеннолетних детей, включая усыновленных, и супругов) [13, sec. 3 (5), 3 (6)]. Приказ о депортации в любом случае выдается министром внутренних дел, обладающим в этом вопросе довольно широкой дискрецией. При этом значительное внимание уделяется судебному и квазисудебному надзору за соответствующими актами и деятельностью государственной администрации [4, p. 464].

Показательна высылка по рекомендации суда, вынесшего приговор иностранному преступнику. Такая мера может использоваться и для лиц, приговоренных к пожизненному заключению.

Например, королевский суд в Ноттингеме признал Г. виновным в совершении убийства, приговорил к пожизненному заключению и одновременно рекомендовал его депортировать [19]. Это объясняется вот чем. Британский суд, назначая подобные наказания, устанавливает и срок, по прошествии которого осужденный получает право на досрочное освобождение (так, для Г. он составил 14 лет). Если осужденный выйдет на свободу, он депортируется из Соединенного Королевства.

В английской литературе отмечается, что судебный акт о высылке преступника – это всего лишь рекомендация, а непосредственное решение принимается министром внутренних дел, то есть здесь действует «акт исполнительной власти». Данная мера расценивается как профилактика преступности. Министр вправе рассмотреть вопрос о депортации освобождающихся лиц даже в том случае, если судья ранее не выносил соответствующей рекомендации. Особое внимание здесь уделяется иностранцам, лишенным свободы на сроки более года [9, p. 107].

В остальных случаях основаниями депортации могут быть нарушения условий пребывания на британской территории, пропущенный период разрешенного пребывания, получение разрешения находиться в стране путем обмана.

Упрощенной формой высылки по британскому законодательству является удаление (removal) из страны.

Оно осуществляется в случаях, если иностранный гражданин получил отказ во въезде в порту прибытия или приобрел разрешение на въезд путем обмана, равно как прибыл с нарушением иммиграционных норм [13, sched. II, sec. 8–10(A); 14, sec. 9–13].

В отличие от депортации, применяемой к уже находящимся в стране субъектам, удалению подвергаются те, кто не успел или не смог получить официальный доступ на британскую территорию [4, p. 447].

Получается, что высылка в Великобритании делится на два вида – в зависимости от статуса иностранного гражданина. Иностранные граждане, въехавшие в страну законно, – депортируются, все остальные – удаляются. Разница между ними прослеживается в основаниях высылки, участвующих в процессе полномочных органах, процедуре. Второй вид предполагает несколько упрощенные правила. Логика законодателя такова: лица, получившие разрешение на въезд, то есть прошедшие иммиграционный надзор, обладают б*о*льшим доверием государства, чем те, кому в этом праве было отказано. В литературе полномочие короны высылать даже дружественных иностранцев, ранее принятых в Великобритании, расценивается как исторически сложившаяся прерогатива, регламентируемая нормами общего права и сохранившаяся до сих пор [4, p. 450].

Указанные мотивы деления высылки еще явственнее прослеживаются в позиции американского законодателя.

В сентябре 1996 г. в США был принят Закон о противодействии нелегальной иммиграции и ответственности иммигрантов [12]. Он поменял отношение государства к высылке, ужесточив ее применение для некоторых категорий иммигрантов. В литературе его охарактеризовали как один из самых суровых за всю историю американского законодательства о правовом положении иностранных граждан [10, p. 822].

[1] Закон об иммиграции и убежище 1999 г. понимает под общественным благом интересы национальной безопасности, интересы, лежащие в сфере отношений между Соединенным Королевством и любой другой стороной и в иных сферах политического характера. См.: *Immigration* and Asylum Act 1999, section 64. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/33/section/64.

Изменилась и терминология, применявшаяся в институте высылки. До этого неграждане, которым отказывали во въезде в портах прибытия, подлежали принудительному выезду («excluded», что условно можно перевести как «исключение из страны»). Если же они проходили процедуру допуска в Соединенные Штаты, то, в случае утраты права находиться в стране, они депортировались (deported). Первый вариант рассматривался как упрощенный.

В 1996 г. терминология унифицировалась, высылку стали именовать удалением (removal), но принципы ее осуществления для разных категорий иностранцев остались [18, p. 371].

Верховный Суд США отметил, что иммиграционное право и после изменений сохранило различные основания высылки для субъектов, получивших доступ в страну и не имеющих такового [16], что объясняется исторической традицией [15]. Иностранцы по-прежнему делятся на две группы: лица, прошедшие иммиграционный надзор и приобретшие право доступа на американскую территорию, и лица, такого доступа не получившие.

Высылка реализуется в два административных этапа и один судебный. Акт об удалении принимается так называемым иммиграционным судьей, который в действительности является должностным лицом Департамента юстиции и принадлежит к системе исполнительной власти. Его решение может быть обжаловано в Иммиграционном апелляционном совете (Board of Immigration Appeals), также находящемся в структуре органов юстиции. Акты Иммиграционного совета обязательны для миграционных органов и иммиграционных судей.

Пройдя эти стадии, заинтересованная сторона может обратиться в суд. Однако здесь есть одно обстоятельство.

Проблема в том, что иностранцы, официально не допущенные в Соединенные Штаты, по законодательству 1996 г. лишились возможности отстаивать свое право как в судебном, так и в административном порядке [10, p. 825–826]. В их числе оказались лица, впервые прибывшие в США, попавшие на территорию США незаконно, то есть минуя надзор и процедуру доступа, и иностранные граждане, выехавшие из страны, но затем вернувшиеся. Подчеркивается, что все они не являются полноправными субъектами и безоговорочно обязаны покинуть Соединенные Штаты после отказа во въезде. Именно эти доводы объясняют применение упрощенной процедуры удаления из страны.

Указанный подход, также именуемый территориальным принципом, связан с доктриной неограниченной власти Конгресса в иммиграционной сфере, сформулированной еще в 1889 г. в решении Верховного Суда по делу «об удалении китайцев» [5]. Своей позицией высший судебный орган, по сути, признал минимальное влияние прецедентного права в области иммиграции.

Китайский рабочий Ч. Ч. Пинг, проживавший в США, покинул страну, предварительно получив право на возвращение. За год его отсутствия изменилось законодательство, теперь оно запрещало посещать американскую территорию всем китайским рабочим, включая и имевших возможность въезда. Поддержав закон, Суд подчеркнул объективную необходимость его норм, подтвердил ослабление системы процессуальных гарантий для отдельной группы иностранцев. Свою позицию он обосновал чрезвычайными обстоятельствами, которые вынудили законодательную и исполнительную ветви власти изменить прежний подход к регулированию китайской иммиграции (значительное увеличение китайского населения, конкуренция на рынке труда, нежелание китайцев воспринимать американскую культуру). Высылка представлялась неотъемлемым суверенным полномочием правительства, делегированным ему американской Конституцией. Этим тезисом обосновывалась обязанность исполнительной власти обеспечивать миграционную безопасность государства, в частности, определяя случаи, наступление которых влечет принудительное удаление за границу[2].

В принципе, похожая логика прослеживается (с поправкой на время) и при обосновании необходимости современной упрощенной высылки иностранцев: раз они не смогли пройти процедуру иммиграционного надзора и получить доступ в страну, то они представляют (во всяком случае, с большой долей вероятности)

[2] Верховный Суд США отметил, что закон был принят в рамках президентских полномочий определять опасность иностранцев для «мира и безопасности Соединенных Штатов», а также устанавливать «разумные основания» для их высылки. Немаловажно и то, что закон был принят в период «значительного политического волнения». То есть указанное нормативное правовое регулирование признали объективно необходимым для страны.

опасность, следовательно, должны вернуться в свои страны.

Сторонники данной позиции объясняют устранение судебного контроля тем, что многим судьям сложно понять необходимость депортации субъектов, не представляющих вроде бы угрозы национальной безопасности. Существующее положение предоставляет политически подконтрольным ветвям власти (законодательной и исполнительной) возможность решать вопрос о том, кого следует впускать в страну, а кого следует удалить за ее пределы, исходя из своего видения публичного интереса, меняя это видение в зависимости от ситуации [7].

Кстати, именно политизация иммиграционной практики подтверждает то, что данный логический ряд вовсе не фатален. Если компетентные органы решат, что уровень опасности «нелегалов» снижен, то политика, а вместе с ней и законодательство, могут измениться.

Описанная доктрина оказалась устойчивой и до сих пор учитывается судами при рассмотрении иммиграционных споров [20, p. 348–349, 355].

В литературе же имеется ее серьезная критика, выстраиваемая вокруг двух взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, принцип неограниченной власти Конгресса исключает судебный надзор в отношении довольно многочисленной группы иностранных граждан и может привести к ситуации, когда на всех стадиях их принудительного удаления за границу не окажется субъекта, способного вынести независимое решение [18, p. 384–385]. Во-вторых, такая доктрина демонстрирует слишком простой подход. Вместо тщательного исследования интересов участников иммиграционных отношений и связанных с ними лиц, выявления всех обстоятельств дела, не допущенные в страну лица просто исключаются из механизма правовой защиты, тем самым облегчается жизнь органов государственной администрации [10, p. 883].

Страны континентальной правовой семьи также используют общую и упрощенную процедуры высылки.

Исторически, по мнению В. М. Гессена, именно эти государства в наибольшей степени использовали принудительное удаление иностранцев за рубеж [1, с. 32–33]. Если первоначально, со времен Средневековья, эта мера рассматривалась в качестве наказания, то в течение XVIII–XIX веков перешла в разряд мер обеспечения безопасности. Например, в немецкой доктрине подчеркивается, что высылка «не относится к уголовному праву, а является частью административно-правового регулирования» [17, S. 184].

Из ФРГ высылаются иностранные преступники в целях общей или частной превенции, но предупредительные меры не распространяются на иностранцев-граждан стран Евросоюза и некоторых турецких граждан. Они, по сложившейся практике, подлежат лишь дискреционной высылке, то есть осуществляемой по усмотрению органов государственной администрации, что затрудняет для административных судов проверку применения оснований принудительного выезда за границу [6, S. 123, 125]. Соответственно, общий порядок к таким лицам применяется с определенной долей условности.

Немецкие авторы свидетельствуют не столько об упрощении процедуры, которая в целом (на уровне принципов) остается одинаковой для всех высылаемых, сколько о материально-правовых основаниях высылки. Чем больше у органов исполнительной власти полномочий, осуществляемых по усмотрению, тем меньше остается возможности для судебного надзора [2], что в определенной степени и упрощает принудительный выезд иностранного гражданина за пределы Германии.

Например, В. С. Хейнц обращает внимание на то, что в 2005 г. «консервативная оппозиция успешно провела поправки (в Закон о проживании. – *О. Ш.*) о национальной безопасности. По существу, подозреваемых иностранцев теперь можно депортировать по подозрению, подтвержденному фактами…» [11, p. 169].

В литературе говорится, что научная доктрина, в отличие от правоприменения, призывает к судебному консенсусу по вопросу о приемлемости такой высылки, поскольку догматика безопасности не подходит для ее обоснования. Чтобы дискреционная высылка стала надлежащим правовым институтом и смогла предотвращать будущие угрозы общественному порядку и безопасности, управление в сфере миграции нужно выстраивать на основании системы прогнозирования рисков. То есть высылка должна осуществляться с учетом доказательств, подтверждающих угрозу немецкому правопорядку, исходящую от иностранца. Но опасность каждого субъекта определяется по степени рисков, которые образуют своеобразную шкалу, меня-

ющуюся в зависимости от обстановки. В итоге, как отмечается в литературе, современная дискуссия уходит из области вопросов процедуры в сферы конституционного права и международного права, определяющих принципы, на которых базируется любая полицейская деятельность. Оправдание «общепрофилактической высылки» видится в необходимости обеспечения фундаментальных прав человека, в данном случае жителей ФРГ [21, S. 221–224].

Показательно следующее суждение.

Вмешательство в права граждан, особенно такое значительное, как высылка, влекущая запрет на въезд, требует соответствия «стандартам оправданного вмешательства». Ограничения допустимы только тогда, когда они необходимы и отвечают общепризнанным для стран-членов ЕС целям, закреплены нормами европейского права [3]. Получается, что необходимость удаления опасных иностранцев из страны сомнения не вызывает, однако органам государственной администрации и судам приходится мотивированно отвечать на вопрос, почему высылаемый не должен находиться в стране.

Немецкий закон о проживании также предусматривает два вида высылки иностранных граждан: удаление (Zurückschiebung) и депортацию (Abschiebung)[3].

В первом случае требование выехать за пределы страны адресуется незаконно въехавшим иностранцам. Им выдается предписание, и они в течение шестимесячного срока должны покинуть федеральную территорию.

Депортируются иностранцы в случае, когда у миграционных органов нет уверенности в том, что они покинут страну добровольно, а также в случае, когда речь идет об обеспечении национальной безопасности или правопорядка.

Высылка обеспечивается принуждением, если иностранец незаконно въехал, у него отсутствует место проживания, если он был выслан в Германию из государства-члена ЕС и при этом у него отсутствует право находиться на немецкой территории. В дополнение к этому, административный надзор назначается в отношении иностранцев, которые по решению суда содержатся под стражей; не выезжают в срок, установленный для добровольного выезда; не имеют средств к существованию; не имеют законного удостоверения личности; предоставили о себе недостоверную информацию или иным образом пытались ввести в заблуждение официальные власти.

Высылка также делится на обязательную и осуществляющуюся по решению компетентного органа.

Первый вид (Zwingende Ausweisung) применяется к лицам, осужденным за совершение умышленного преступления на срок не менее трех лет, а также за деяния, связанные с оборотом наркотиков или за преступления против общественного порядка, либо за оказание помощи в незаконном въезде иностранных граждан.

То есть закон четко закрепляет критерии опасности иностранцев и при их возникновении требует применения депортации. Лица, совершившие менее тяжкие правонарушения, чем перечисленные выше, депортируются в зависимости от обстоятельств дела (Ausweisung im Regelfall) [8, §§ 53, 54, 57]. Нарушение правового предписания в таком случае не является основанием высылки. Опасность этих лиц должна доказываться ссылками на дополнительные обстоятельства.

Итак, эффективность высылки связывается с гибким механизмом ее регулирования. Нужная пластичность достигается переводом этой меры из системы уголовно-правовых мер в сферу административного принуждения: в большинстве стран подчеркивается ее некарательная сущность.

Так, Б. Гибсон и Д. Фолкнер (Великобритания), характеризуя высылку в качестве принудительной меры, обращают внимание на то, что депортация является актом исполнительной власти [9, p. 107]. Киркагас Н. (ФРГ) рассматривает принудительное удаление из страны в качестве меры регулирования, используемой для предотвращения будущих нарушений общественного порядка и для сохранения безопасности, следовательно, никаких уголовно-правовых или иных карательных свойств у нее не имеется [17, S. 186].

Государства освобождают себя от необходимости проводить высылку согласно жестким канонам, устанавливаемым для наказания, что, прежде всего, затрагивает вопросы процессуального оформления, сбора и фиксации

[3] На официальном сайте Министерства юстиции ФРГ приведены немецкий и переведенный на английский язык варианты Закона о проживании. В них термин «Zurückschiebung» соответствует английскому «Removal», а слово «Abschiebung» переведено как «Deportation» См.: §§ 57, 58 AufenthG. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/index.html.

доказательств, презумпции невиновности. Помимо общего порядка ее реализации допускается упрощенный, обусловленный особыми основаниями, как правило, большой опасностью иностранного гражданина. Именно это позволяет некоторым странам уменьшать сроки, данные на выезд, варьировать субъектов, компетентных применять высылку, ослаблять процессуальную защиту высылаемого.

Российский законодатель также использует указанные регулятивные средства. В отличие от приведенных зарубежных примеров, в отечественном праве закрепляется высылка – административное наказание (выдворение) и высылка – некарательная мера административного принуждения (депортация).

Как представляется, с учетом иностранного опыта, выдворение, в отличие, например, от штрафа, не следует рассматривать в качестве неотъемлемого элемента системы административных наказаний – это продукт текущей административно-деликтной политики[4].

В принципе, государству ничего не мешает относительно безболезненно отказаться от его использования. Не случайно данная мера ответственности появилась лишь во второй половине XX в., а ее систематическое применение можно отнести к периоду формирования Российской Федерации.

Более сложную проблему представляет собой возможность дискреционного варианта депортации. Он может проявляться в практике органов исполнительной власти, то есть de facto. В этом качестве отечественное правоприменение напоминает немецкую доктрину, поскольку дискреционная депортация специально, особым термином или специфической процедурой, в законодательстве не обозначается.

Дело в том, что среди оснований депортации значится угроза обороноспособности и безопасности страны. При ее возникновении предусматривается запрет на въезд и пребывание в стране, если же иностранец добровольно не покидает российскую территорию, то применяется принудительная высылка. Поскольку законодатель не расшифровывает понятия обороноспособности и государственной безопасности, то органам исполнительной власти приходится полагаться на собственное усмотрение. Конечно, у высылаемого сохраняется право на обжалование акта администрации в суд, но в отсутствие четких законодательных ориентиров судьи зачастую руководствуются материалами, исходящими от исполнительной власти, не ставя их истинность под сомнение[5].

В рамках статьи удалось рассмотреть лишь ряд проблем классификации высылки иностранных субъектов за пределы принимающих государств. Сравнительно-правовой метод позволил продемонстрировать идентичность российского и зарубежных подходов. При этом отечественный законодатель в некоторых случаях сохраняет даже более строгое отношение к основаниям высылки (выдворение), оставляя ее карательную сущность. В других ситуациях, при схожести правовых норм, российская правоприменительная практика отстает от некоторых иностранных вариантов (высылка по соображениям государственной безопасности).

Представляется, что от компетентных органов исполнительной власти и судов требуется более вдумчивое отношение при толковании аналогичных конструкции. Они в большей степени, чем ранее, должны сейчас опираться на общие административно-правовые принципы, на соответствующие конституционные нормы.

---

[4] Можно отметить, что без штрафа система административных наказаний немыслима. Об этом свидетельствует и то, что штраф присутствует в любой национальной административно-деликтной системе. Однако высылка в качестве меры административной ответственности используется крайне редко. Государства предпочитают задействовать ее предупредительные свойства, что, кстати, в большей степени развязывает им руки, освобождая, например, от необходимости следовать презумпции невиновности.

[5] Международное сообщество, в принципе, не отрицает возможность упрощенной высылки по соображениям национальной безопасности. Так, в ст. 13 Международного пакта о гражданских и политических правах значится: «Иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, может быть выслан только во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом, и, если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного, имеет право на представление доводов против своей высылки, на пересмотр своего дела компетентной властью или лицом или лицами, специально назначенными компетентной властью, и на то, чтобы быть представленным для этой цели перед этой властью лицом или лицами». См.: *Международный* пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи, Нью-Йорк, 16 дек. 1966 г. // Бюлл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1994. № 12. С. 5–11.

Библиографический список

1. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб. : Изд. Юрид. кн. скл. «Право», 1908. – 422 с.

2. Соловей, Ю. П. О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий / Ю. П. Соловей // Адм. право и процесс. – 2015. – № 2. – С. 46–51.

3. Bast, J. Of General Principles and Trojan Horses – Procedural Due Process in Immigration Proceedings under EU Law / J. Bast // German Law Journal. – 2010. – Vol. 9. – P. 1017–1022.

4. Bradley, A. W. Constitutional and Administrative Law / A. W. Bradley, K. D. Ewing. – 14th ed. – Edinburgh : Pearson Education Ltd., 2007. – 922 p.

5. Chae Chan Ping v. U.S., 130 U.S. 581 (1889) [Электронный ресурс] // FindLaw. – Режим доступа: http://caselaw.lp.findlaw.com/cgi-bin/getcase.pl?court=us&vol=130&invol=581 (дата обращения: 20.02.2013).

6. Deibel, K. Ausweisung von Ausländern unter Berücksichtigung der Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte / K. Deibel // ZAR. – 2009. – № 4. – S. 121–126.

7. Feere, J. Plenary Power: Should Judges Control U.S. Immigration Policy? [Электронный ресурс] / J. Feere // Center for Immigration Studies. – Режим доступа: http://www.cis.org/plenarypower (дата обращения: 03.02.2014).

8. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet. AufenthG. Ausfertigungsdatum: 30.07.2004. [Электронный ресурс] // Gesetze im Internet. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/aufenthg_2004/gesamt.pdf (дата обращения: 04.01.2013).

9. Gibson, B. The New Home Office: An Introduction / B. Gibson, D. Faulkner. – S. l. : Waterside Press, 2008. – 172 p.

10. Grable, D. M. Personhood Under The Due Process Clause: a Constitutional Analysis of The Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act 1996 / D. M. Grable // Cornell Law Review. – 1998. – Vol. 83. – № 3. – P. 821–865.

11. Heinz, W. S. Germany: State Responses to Terrorist Challenges and Human Right / W. S. Heinz // National Insecurity and Human Right. Democracies Debate Counterterrorism / Ed. by A. Brysk and G. Shafir. – Berkley, Los Angeles, London: Global, Area, and International Archive University of California Press, 2007. – P. 157–176.

12. Illigal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act of 1996 [Электронный ресурс] // Homeland Security Seal, U.S. Citizenship and Immigration Services. – Режим доступа: http://www.uscis.gov/ilink/docView/PUBLAW/HTML/PUBLAW/0-0-0-10948.html (дата обращения: 04.08.2015).

13. Immigration Act, 1971. [Электронный ресурс] // The National Archives. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents (дата обращения: 03.08.2013).

14. Immigration and Asylum Act, 1999 [Электронный ресурс] // The National Archives. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/33/contents (дата обращения: 04.08.2013).

15. Jama v. Immigration and Customs Enforcement, (03-674) 543 U.S 335 (2005) [Электронный ресурс] // The Supreme Court of the United States. – Режим доступа: http://www.supremecourt.gov/opinions/04pdf/03-674.pdf (дата обращения: 12.07.2015).

16. Judulang v. Holder, Attorney General 10-694 (2011) [Электронный ресурс] // The Supreme Court of the United States. – Режим доступа: http://www.supremecourt.gov/opinions/11pdf/10-694.pdf (дата обращения: 05.02.2015).

17. Kirkagac, N. Die Unschuldsvermutung im Ausweisungsrecht / N. Kirkagac // Asylmagazin. – 2011. – № 6. – S. 182–186.

18. Legomsky, S. H. Deportation and the War on Independence / S. H. Legomsky // Cornell Law Review. – 2006. – Vol. 91. – № 2. – P. 369–409.

19. Regina v Alrich Augustus Hamilton and Christopher Cordover Kyle. № [2007] EWHC 194 [QB] [Электронный ресурс] // The National Archives. – Режим доступа: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110218200720/http:/www.hmcourts-service.gov.uk/cms/144_11368.htm (дата обращения: 25.02.2013).

20. Romero, V. C. On Elián and Aliens: a Political Solution to the Plenary Power Problem / V. C. Romero // Journal of Legislation and Public Policy. – 2001. – Vol. 4. – № 2. – P. 343–386.

21. Thym, D. Migrationsverwaltungsrecht / D. Thym. – Tübengen : Mohr Siebeck, 2010. – 450 S.